

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2021.80.58.009

Европейский постмодернизм и китайский менталитет**Просеков Сергей Анатольевич**

Кандидат философских наук, доцент,
доцент Департамента гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу постмодернистского менталитета Европы и современного китайского менталитета. Автор анализирует различие между принципами Постмодерна и принципами китайского мироощущения. Дается понимание прав человека через понимание китайской цивилизации, ее уникальности, отличие человека «вертикального» от человека «горизонтального». Рассматриваются бинарные оппозиции индивидуализма / коллективизма в Китае. Дается концепция В. Малявина о трех видах социальности. Рассматривается понятие «телесное сознание» в трактовках Г. Марсея и В. Малявина. Излагается размышление В. Подороги о том, где надо искать «душу», изложенные в трех позициях. Дается сино-европейская параллель постмодернистского концепта ризомы (корневища), противоположного представлению об осевой, «принудительной» организации текста. Автор приходит к выводу о рождении сходства между постмодернистским и современным китайскими менталитетами, что, однако, не изменяет того обстоятельства, что они остаются радикально разными типами мышления. Также исследователь отмечает, что при самом почтительном отношении к своим книгам-первоисточникам китайцы знают их плохо и мало. Это касается и конфуцианских, и даосских источников. Однако соответствующие принципы, тем не менее, регулируют их мышление и жизнь и транслируются потомкам. По-видимому, они непосредственно вошли в плоть культуры, так что читать книги для понимания своих базовых основ китайцам и не требуется. Таким образом, есть основания говорить о рождении некоторого сходства между европейским менталитетом нашего времени и менталитетом китайским, хотя они остаются радикально разными типами.

Для цитирования в научных исследованиях

Просеков С.А. Европейский постмодернизм и китайский менталитет // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 91-98. DOI: 10.34670/AR.2021.80.58.009

Ключевые слова

Китай, менталитет, субъект, объект, внешнее, внутреннее, бинарные оппозиции, пространство, время.

Введение

Не один исследователь ментальностей уже обращал внимание на интересные взаимоотношения постмодернизма – идеологии Постмодерна, развившиеся в Европе в последней трети XX века, – и основ китайского сознания. Данная статья призвана внести свой скромный вклад в эту тему.

Принципы Постмодерна как новой парадигмы сознания кратко сформулированы следующим образом: «часть всегда права перед целым; индивид всегда прав перед обществом; свобода всегда права перед ответственностью; субъективное самовыражение важнее объективной истины, которой, впрочем, и не существует, ибо все, что вне индивида и его свободы, навязано, т.е. существует насильственно, искусственно, а потому ложно; культура семиотична, но в силу абсолютной индивидуальности восприятия знаков денотаты их принципиально неуловимы, а коды нерасшифруемы» [Кнабе, www].

На первый взгляд может показаться, что принципы китайского мироощущения к постмодернизму ближе, чем к модернизму, базовым структурам культуры Нового времени, но тем не менее она разительно отличаются. В китайском мироощущении и в китайской мудрости вообще нет разделения на объект и субъект, и это обстоятельство имеет радикальный характер.

В китайском мироощущении отсутствует противопоставление человека и общества.

Там свобода непременно включает в себя ответственность.

Там объективной истины нет вообще, как таковой. Тогда, собственно говоря, нет и лжи. Вернее сказать, истина и ложь всегда ситуативны.

Бинарные оппозиции в европейском смысле слова, таким образом, вообще не имеют смысла для китайца. Поясняя китайские реалии для европейцев, исследователи из Поднебесной вынуждены переходить на язык европейской ментальности, но следует всегда помнить, что это – перевод, не слишком при том адекватный в отношении оригинала, выражаясь мягко.

Китайская культура символична, одно существует как другое, а другое – как одно, при этом проблема подделки и плагиата отсутствует радикально, ибо, строго говоря, все есть копия. Как упоминает В.В. Малявин, по слову Ф. Ницше, мир есть копия утраченного оригинала [Малявин, www], то есть симулякр. Только европейцев это крайне тревожит, а китайцы считают, что так уж устроен мир, это просто надо принять. Интересно, что и слово *virtual* – виртуальный – в качестве разных значений имеет значение «действительный», «фактический», «реальный».

Общепризнанным в позднем постмодернизме стал отказ от идеи «вторичности» субъекта, его «производного» характера от объекта, введены постулаты о «первичности» субъекта с его картиной мира, который, как провозглашается, перестает быть одной из сторон в бинарной оппозиции «объект/субъект», поэтому, строго говоря, ни о какой «первичности» вообще речи быть не может, но, поскольку европеец не умеет мыслить по-китайски, постольку «объект» контрабандным образом все же оказывается присутствующим в его мысли и мироощущении. Внедряются идеи о равенстве всех людей и все чаще – их равновеликости, равноправии и одинаковости независимо ни от каких иерархий, включая естественные различия по полу, возрасту, образованию, профессии, культуре и т.п.

Основная часть

В КНР также признают важное значение прав человека. Однако что это такое и как их следует использовать, решает государство, ибо человек в китайской цивилизации вертикален (в отличие от «человека горизонтального» в Европе), как и гуманность, ориентированная на Небо,

выступает ли оно как божественное или как государство, как император или Генеральный секретарь ЦК КПК (он же Председатель КНР) – в любом случае это никак не обустройство каждого отдельного человека «по горизонтали» с его индивидуальными интересами и желаниями. Китайские авторы пишут по этому поводу: «Китайские ценностные представления не отбрасывают права человека, а дают им основу для их осуществления в реальной жизни. В Китае не только под углом зрения отдельного индивида смотрят на права человека, но и относятся к ним с точки зрения общества. Если между людьми существует взаимное уважение прав, то в данном случае мы имеем справедливое и гармоничное общество, где в рамках управления на основе закона люди равны между собой. Социалистическое ценностное представление о гармонии включило в себя идею о том, что ценность прав человека стоит выше ценностного представления о ценностях прав человека; социалистическое представление о справедливости включило в себя идею о том, что ценность свободы индивида стоит выше ценностного представления о свободе индивида» [Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь, 2020]. Признается, что в период культурной революции права человека серьезно нарушались, и эта трагедия не должна повториться. Теперь права человека вошли как отдельный закон в Конституцию КНР [там же, 294]. И, конечно, Китай остается иерархичным обществом.

Европейский постмодернизм заявляет о репрессивности всякой общности, включая разум, язык и истину, и о том, что с этой «репрессивностью» следует всячески бороться, о большей ценности хаоса перед структурированностью, а также, в целом, ведущей становится антропологическая ориентация гуманитарного знания вообще и философии в частности при элиминации понимания человека исключительно как рационального существа, а его истории – как неизменно прогрессивной и единой для всего мира причинно-следственной цепи великих деяний.

Бинарные оппозиции индивидуализм/коллективизм в Китае нерелевантны, при этом, как полагает В.В. Малявин, основной скрепляющей силой китайского общества и всей культуры является коммуникативность – со-общительность, включающая в себя со-ответственность. Именно коммуникативность и сетевой принцип стали причиной той легкости, с которой китайцы вошли в новый цифровой мир. И тут ментальность китайцев и само устройство их социума продолжают оставаться «перпендикулярными» современному европейскому обществу с его постмодернистскими представлениями и бесконечными противопоставлениями, спорами, войнами и безответственностью.

В заметке «О трех видах солидарности» Малявин указывает, что целесообразно выделять, во-первых, европейский тип социальности, характерный в особенности для периода Модерна и основанный на общих ценностях, идеях, целях, теориях и пр. Ее автор называет социальностью коллективизма и утверждает: «Вечно апеллируя к неким моральным основаниям, особенно справедливости (понятию, по сути, отвлеченно-бессодержательному), она в реальности превращает человечество в безликую и, следовательно, безнравственную массу» [Малявин, www].

Второй тип социальности – это «социальность, питающаяся аристократическим “пафосом дистанции” и утверждающая отношения гармонии, взаимной любезности и иерархии. В ее свете людей объединяют различия между ними, что объясняет ее историческую слабость, нестойкость. Именно эта социальность, проблематизирующая идентичность, определяет общество Постмодерна» [там же].

Наконец, третий тип – это «социальность мгновенной и непосредственной связи человеческих сердец, спонтанного взаимного опознания всеобщего исходного тождества,

“душевной основы” жизни. Такова глубинная социальность свободной совместности – вроде бы вечно отсутствующая, утопическая и все же каждому знакомая, в своем роде неизбежная» [там же].

В реальности, подчеркивает Малявин, все три типа сосуществуют, однако полезно видеть в анализе их различие.

И в самом деле, постмодернистские представления, сближаясь с китайскими, если сравнивать соотношение базисных положений Нового времени в Европе и представления «Срединного государства», остаются, тем не менее, Европе чужими – впрочем, как и Европа Азии. Но третий тип солидарности знаком всем, а самое глубокое понимание и совместное действие адекватнее всего осуществляются на основе указанного третьего типа идентичности. Примечательно, что, кажется, именно об этом писал и французский философ-экзистенциалист Габриэль Марсель (1889-1973), когда определял одну из своих главных категорий – интересубъективность – как «прилив бытия», триггером для которого может стать даже улыбка или жест: «Здесь мы – вне и над всякой психологией, поскольку это слово, этот жест являются, по существу, носителями чего-то иного, что, конечно, невозможно заключить в понятие, формулу. Здесь важно, что тот, кто адресовал нам это слово или эту улыбку, сам того не желая или даже не осознавая, выступает для нас как свидетель некой трансцендентной реальности. Однако при этом мы сами, может статься, различим это лишь самым смутным образом, и трансцендентная реальность не только не будет названа, но и останется, скорее всего, ощущаемым нами фоном» [Марсель. 1995]. Это радостная и свободная общность людей, объединяющая их в переживании одного «поля» бытия с ответственностью за все, что делается в мире [там же, 165].

При этом Г. Марсель, как истый европеец эпохи позднего Модерна, это объединяющее трансцендентное бытие ставит вне и выше чувственного опыта, в чем опять видно радикальное отличие от китайского типа ментальности, в котором нет отдельно «низкого» тела и «высокого» духа, а есть «телесное сознание» (термин В.В. Малявина). В постмодернизме уже разрабатывается иное отношение к телесности, и тут опять есть близость – символическая телесность, или «телесное сознание», синергийность, или «тело без органов»¹ стало ключевой философемой традиции Поднебесной [Малявин, 2003].

«Телесное сознание» по-разному трактовали даосы, конфуцианцы, адепты тантризма, представители буддизма (махаяны) и разных школ боевых искусств, но сам по себе акцент на соматике породил множество недоразумений в среде европейцев, которые склонны отождествлять эти практики с культуризмом, спортом и вообще с техниками в западном понимании, что на Востоке как раз видится основным препятствием на пути к совершенству. Сам строй западных языков задает такую матрицу, от которой почти невозможно избавиться; во всяком случае, европейская философия не обладает понятийным аппаратом для описания базовых особенностей китайского менталитета. Дело не во внешнем, а во внутреннем теле, полагают китайские мастера духовного совершенствования, и это очень странное тело. Внутреннее тело занимает некое пространство, которое не имеет количественных параметров, оно проявляется как отдельные точки, находящиеся на неопределенном, но одинаковом расстоянии друг от друга, имеет бесконечно большую протяженность, однако не имеет длины,

¹ «Тело без органов» одновременно является постмодернистским понятием, оно бесформенно, бесструктурно, ризоморфно, процессуально, а не предметно, являет собой актуальную бесконечность.

в нем совмещается бесконечно малое и бесконечно большое, оно одновременно все вмещает в себя и само находится внутри всего.

«Отсюда вытекает другая важнейшая характеристика такого тела: оно есть пространство (само)превращения и самопревосхождения. В нем все существует постольку, поскольку устраняется, оставляет себя, в нем все присутствует в той мере, в какой отсутствует. Как раз оно имеется в виду в классической формуле древнего даосизма: “в себе не имей где находиться, и все вещи проявятся сами собой”» [Малявин, www].

И вот в России В.А. Подорога со своей школой аналитической антропологии, созданной в 1990-е гг., идет, кажется, по аналогичному пути, размышляя о том, где же надо искать «душу»: «Ведь есть тело-вещь, тело вне нас; и есть тело, которое от нас неотделимо, поскольку его невозможно перевести в нечто Внешнее нам. Отсюда по крайней мере три позиции: одна дистантна, т.е. выводит нас из собственного тела; другая, напротив, внутридистантна, т.е. делает нас странными наблюдателями, находящимися внутри тела; и, наконец, третья, которая относится к нашей внутридистантной позиции, – внедистантная, – где мы неотличимы в своих проявлениях от внутренней телесной плоти (может быть, здесь и следует искать “место” души)» [Подорога, www]. Третья позиция – это я-переживание, неразличенность тела и мира. Подорога отказывается от различия между внешним и внутренним в стремлении описать именно опыт тела, феноменологию тела.

Что касается пространства и времени, то сегодня, как показал еще канадский философ Маршалл Маклюэн (1911-1980), исчезает дистанция между событием и реакцией на него – ныне требуется мгновенная одновременность. Такая мгновенная одновременность вовлекает настолько, что уже нет различия между объектом и субъектом – к чему и пришел постмодернизм и как это и было в древней китайской парадигме: «Мы можем найти параллель урокам теории атома в эпистемологических проблемах, с которыми уже сталкивались такие мыслители, как Лао Цзы и Будда, пытаясь осмыслить нашу роль в грандиозном спектакле бытия – роль зрителей и участников одновременно» [Капра, www] (Нильс Бор).

Однако европейский Постмодерн заявляет о наличии в современном человеке (европейце, естественно) децентрированного «Я», или децентрированного субъекта (Ж. Лакан, Л. Альтюссер, Э. Лакло, М. Фуко); человек перестает быть автономным и суверенным актором, в то время как древняя китайская парадигма, не разделяя субъект и объект, предполагает именно центрированность сознания/тела, т.е. активизм, деятельность в самом точном и широком смысле этого слова. Как учит китайская мудрость, следует пробудиться и жить осознанно в каждое мгновение своего бытия.

И еще одна сино-европейская параллель: постмодернистский концепт ризомы (корневища), противоположный представлению об осевой, «принудительной» организации текста (мир также понимается как текст), введенный Делезом и Гваттари [Грицанов, www], поразительно схож образно с китайским пространством-сетью, хотя постмодернистский концепт не допускает «правильной» или «неправильной» интерпретации текста: всякое вчитывание в текст своего содержания равно обосновано, в отличие от китайских представлений (однако и там «путь» вечно уклоняется от Пути и возвращается к нему), поэтому в постмодернизме провозглашается «смерть субъекта/автора»; но тут же знакомому с китайскими ментальными реалиями человеку вспоминается отсутствие бинарных оппозиций субъект/объект в китайском мышлении. Китайское пространство «очень напоминает известный и в Европе образ сферы с вездесущим центром и отсутствующей границей. Выбор центра в данном случае соответствует появлению космоса, социума и их идеологического обоснования. Между тем в своей основе такое

пространство имеет характер сети, ризомы (корневища), голограммы или сложно организованной, допускающей лишь спонтанное саморегулирование системы, где “малейшее движение распространяет свое действие на самое отдаленное расстояние” (Лейбниц). Логический же предел этого пространства – хаос или всеобъемлющая пустота» [Гофман, 2000].

Заключение

Действительно, лишь в рефлексии, абсолютно доминирующей как логос, интеллект в базисных проявлениях принципов Модерна, отделяя субъект от объекта и объект от субъекта, внешнее от внутреннего и внутреннее от внешнего, тело и сознание (душа) мыслятся как разные субстанции. А для китайца мир и человек не субстанциональны, а имеют сетевой характер, точно совпадающий с новым дивным цифровым миром.

Апофатизм, к которому сегодня пришел западный классический постмодернизм, мог бы явиться ценным методом исследования китайского менталитета, который сам по себе апофатичен, поскольку китайцы считают, что высшая реальность невыразима и никакие ее определения не могут быть истинными в аристотелевском смысле слова, но она постигается лишь через прочувствование «телесным сознанием» и через иносказание, вообще через Иное, Другое.

При самом почтительном отношении к своим книгам-первоисточникам китайцы знают их плохо и мало. Это касается и конфуцианских, и даосских источников. Однако изложенные выше принципы, тем не менее, регулируют их мышление и жизнь и транслируются потомкам. Повидимому, они непосредственно вошли в плоть культуры, в ее ритуалы, так что читать книги для понимания своих базовых основ китайцам и не требуется.

Таким образом, есть основания говорить о рождении некоторого сходства между европейским менталитетом нашего времени и менталитетом китайским, хотя они остаются радикально разными типами.

Библиография

1. Грицанов А.А. Ризома URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/218/rizoma.htm>
2. Капра Ф. Дао физики. URL: <http://lib.ru/KAPRA/daofiz.txt>
3. Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг. URL: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/knabe95.html>
4. Малявин В. Канон Всепроницающей пустоты. URL: <https://sredotochie.ru/kanon-vsepronicayushhej-pustoty/>
5. Малявин В.В. О телесном сознании. URL: <http://www.sredotochie.ru/o-telesnom-soznanii/>
6. Малявин В.В. О трех видах солидарности. URL: <https://sredotochie.ru/o-trex-vidax-solidarnosti/>
7. Малявин В.В. Пространство в китайской цивилизации. М.: Феория, 2014. 372 с.
8. Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2003. 560 с.
9. Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. 216 с.
10. Подорога В. Феноменология тела. URL: <http://ec-dejavu.ru/b/Body.html>
11. Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей. М.: Весь мир, 2020. 464 с.

European postmodernism and Chinese mentality

Sergei A. Prosekov

PhD, Associate Professor,
Department of Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Abstract

The article deals with a comparative analysis of the postmodern mentality of Europe and the modern Chinese mentality. The author analyzes the difference between the principles of Postmodernism and the principles of the Chinese attitude. The article gives an understanding of human rights is given through the understanding of Chinese civilization, its uniqueness, the difference between a “vertical” person and a “horizontal” person. Binary oppositions of individualism / collectivism in China are considered. V. Malyavin's concept of three types of sociality is given. The concept of "body consciousness" in the interpretations of G. Marcel and V. Malyavin is considered. V. Podoroga's thoughts about where to look for the “soul” are presented, they are presented in three positions. A Sino-European parallel to the postmodern concept of rhizome is given, which is opposite to the idea of an axial, "forced" organization of the text. The author concludes that there are similarities between postmodern and modern Chinese mentality, which, however, does not change the fact that they remain radically different types of thinking; he also notes that with the most respectful attitude towards their primary source books, the Chinese know them poorly and little. However, the corresponding principles, nevertheless, regulate their thinking and life. Apparently, they directly entered the flesh of culture, so the Chinese do not need to read books to understand their basic foundations. Thus, there is reason to talk about the birth of some similarities between the European mentality and the Chinese mentality, although they remain radically different types.

For citation

Prosekov S.A. (2021) Evropeiskii postmodernizm i kitaiskii mentalitet [European postmodernism and Chinese mentality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 91-98. DOI: 10.34670/AR.2021.80.58.009

Keywords

China, mentality, subject, object, external, internal, binary oppositions, space, time.

References

1. Capra F. *Dao fiziki* [Tao of physics]. Available at: <http://lib.ru/KAPRA/daofiz.txt> [Accessed 12/12/2021]
2. Gritsanov A.A. *Rizoma* [Rhizome] Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/218/rizoma.htm> [Accessed 12/12/2021]
3. Han Zhen, Zhang Weiwen (2020) *Sistema kitaiskikh tsennostei* [Chinese value system]. Moscow: Ves' mir Publ.
4. Knabe G.S. *Znak. Istina. Krug* [Sign. Truth. Circle]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/knabe95.html>

[Accessed 12/12/2021]

5. Malyavin V. *Kanon Vsepronitsayushchei pustoty* [The Canon of the All-Penetrating Emptiness]. Available at: <https://sredotochie.ru/kanon-vsepronitsayushchej-pustoty/> [Accessed 12/12/2021]
6. Malyavin V.V. (2003) *Sumerki Dao. Kul'tura Kitaya na poroge Novogo vremeni* [Twilight Tao. Chinese culture on the threshold of modern times]. Moscow.
7. Malyavin V.V. *O telesnom soznanii* [About body consciousness]. Available at: <http://www.sredotochie.ru/o-telesnom-soznanii/> [Accessed 12/12/2021]
8. Malyavin V.V. *O trekh vidakh solidarnosti* [About three types of solidarity]. Available at: <https://sredotochie.ru/o-trex-vidax-solidarnosti/> [Accessed 12/12/2021]
9. Malyavin V.V. (2014) *Prostranstvo v kitaiskoi tsivilizatsii* [Space in Chinese civilization]. Moscow: Feoriya Publ.
10. Marcel G. (1980) *Tragic Wisdom and Beyond (Studies in Phenomenology and Existential Philosophy)*. Northwestern University Press.
11. Podoroga V. *Fenomenologiya tela* [Phenomenology of the body]. Available at: <http://ec-dejavu.ru/b/Body.html> [Accessed 12/12/2021]